

715
II
K 561. 1286
Фундаментальный
Проф. Максимъ Ковалевскій.

Національний Вопросъ

= и =

Равенство Подданныхъ
передъ Закономъ.

Книгоиздательство

„ПРАВДА“

1906.

ЛЕНИНГРАДСКИЙ
ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
БИБЛИОТЕКА

Склады издательства:

С. Петербургъ

Т-во М. О. Вольфъ.

Москва

Кн. маг. „Трудъ“

Варшава

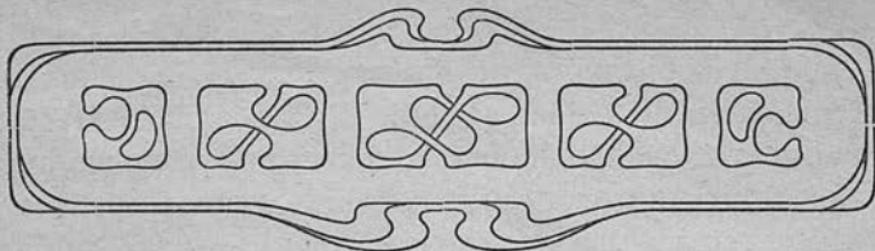
Изд. „Правда“

Кіевъ

Ф. Логансонъ

СПбГУ

Типографія Б-евъ Тиль въ Варшавѣ, Мыльная № 7.

Національкый вопросъ и рабство подданныхъ передъ закономъ.

Полу-азиатская Московія Ивана III и Ивана IV стала европейской державой и протянулась „отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды“ не потому только, что русскій народъ могъ шапками забросать своихъ противниковъ, а потому, что присоединяемымъ націямъ обѣщано было то равенство предъ закономъ и то уваженіе къ ихъ народнымъ особенностямъ, которыя одни сдѣлали возможнымъ то славословіе на разныхъ языкахъ выгодъ русскаго подданства, о которомъ говоритъ 45-я статья перваго тома нашего свода законовъ. Петръ I былъ крутенекъ, но онъ также былъ мудръ и зналъ, поэтому, что Брюсы и Шлиппенбахи, говоря по-шведски, могутъ быть добрыми служителями русской державы, и что русское дворянство не понесетъ урона въ своей чести отъ включенія въ его ряды и арапа Ганнибала, и еврея Шафирова. Екатерина II, величіе

которой воспѣвалъ не одинъ поэтъ Державинъ, была ученицей философовъ XVIII вѣка. Чтобы написать свой „Наказъ“, она, по собственному заявленію, не отступила передъ мыслью обобратъ и Монтескье и Бекарію; но, обирая ихъ, она не могла не проникнуться той мыслью, что современное государство построено столько же на началахъ равенства всѣхъ передъ закономъ, какъ и на подчиненіи послѣднему всѣхъ дѣйствій правителей. Уже при первомъ раздѣлѣ Польши обѣщана была всѣмъ присоединяемымъ народностямъ равная защита законовъ и полное уваженіе къ ихъ вѣрѣ и языку. Если Петръ давалъ приглашаемымъ на службу иностранцамъ надежду, что они, дѣти ихъ и потомки „въ природной своей вѣрѣ пребудутъ“, то Екатерина прямо озабочена была тѣмъ, чтобы „всѣ народы, въ Россіи пребывающіе, славили Бога Всемогущаго различными языки по закону и исповѣданію праотцевъ своихъ, благословляя царствованіе наше и моля Творца вселенной объ умноженіи благоденствія и укрѣпленіи силы имперіи всероссійской“. Если гипотеза поступательнаго хода человѣческихъ обществъ способна вызвать въ умѣ сомнѣніе, то всего болѣе тогда, когда сопоставишь съ этими пожеланіями царя-реформатора и мудрой Фелицы такія правила, какъ запрещеніе принимать евревъ въ высшія учебныя заведенія больше положеннаго процента, какъ приказъ держать ихъ въ сторонѣ отъ профессуры, отъ служебной дѣятельности и даже отъ адвокатской карьеры. И не на однихъ евреяхъ распространяется эта полити-

ка предупрежденія, а не пресѣченія возможной измѣны противъ россійскаго благоденствія. Отъ нея страдаютъ и поляки, надъ которыми также виситъ въ русскихъ университетахъ угроза извѣстнаго процента, его же не преидеши. Вспомянуть-ли о недавнихъ еще порядкахъ преслѣдованія студентовъ, желавшихъ въ Варшавѣ говорить по польски, о преподаваніи имъ польской литературы на русскомъ языкѣ и т. д., и т. д.? „Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ“, и когда вѣрится,—становится стыдно, стыдно за недовѣріе къ исторической миссіи русскаго народа, стыдно за то, что 130-милліонная нація, покрывающая собою одну шестую всей суши, по которой, не въ примѣръ прочимъ странамъ міра, можно проѣхать десятки тысячъ верстъ, обходясь однимъ русскимъ языкомъ, нуждается въ такихъ придирчивыхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, смѣшныхъ и практически неосуществимыхъ мѣрахъ, какъ навязываніе своего языка и своей религіи сравнительно незначительному меньшинству лицъ, дорожащихъ, какъ историческимъ наслѣдіемъ, обособленностью своей вѣры и своей рѣчи. Меня мучительно беспокоилъ этотъ вопросъ объ отношеніи русскаго правительства къ иноземнымъ народностямъ и вѣроисповѣданіямъ во время моихъ двухъ поѣздокъ въ Сѣверные Штаты Америки. Кого только не приходилось мнѣ встрѣчать здѣсь: и шведовъ, и французовъ, и нѣмцевъ, и чеховъ, и поляковъ, и литовцевъ, и русскихъ евреевъ, и кого еще, Ты одинъ, Господи, вѣси! Никто не мѣшалъ имъ говорить и молить-

ся по-своему, никто не принуждалъ ихъ обучать-ся англійскому языку. А между тѣмъ, нѣмцы, такъ чутко относящіеся къ сохраненію своихъ національныхъ особенностей, не разъ говорили мнѣ, что отдають своихъ дѣтей въ англійскія школы, надѣясь облегчить имъ борьбу за существованіе. Поляки, такъ неохотно бесѣдующіе съ русскими посѣтителеми въ Варшавѣ на иномъ языкѣ, кромѣ родного или общаго всѣмъ цивилизованнымъ націямъ, французскаго, говорили со мною на англійскомъ языкѣ и въ Нью-Йоркѣ, и въ Чикаго, а французы Новаго Орлеана, какъ и Сантъ-Луиса, даже не всегда помнили свой родной языкъ. Евреи не прочь были бесѣдовать со мною по-русски, желая доставить мнѣ тѣмъ удовольствіе; съ тою же цѣлью они приглашали меня въ свой еврейскій театръ смотрѣть пьесы Островскаго на нѣмецко-еврейскомъ жаргонѣ. Но всѣ они, хорошо или худо, говорили по англійски и въ знаніи англійскаго находили средство устроиться и при банкирской конторѣ, и при оптовомъ складѣ, и нотаріусами, и адвокатами, и библіотекарями, и профессорами. Слово чудомъ, еще недавно, испанскіе штаты, въ родѣ Техаса или южной Калифорніи, принимали англійскій обликъ, и не потому, чтобы испанскій языкъ былъ въ загонѣ и употребленіе его сознательно искоренялась властями, а потому, что требованія гражданскаго оборота на протяженіи цѣлаго континента не могли обойтись безъ насажденныхъ первыми выходцами изъ Великобританіи англійской культуры и англійскаго языка.

Не полицейскія ловушки, устраиваемыя тому, кто невзначай обмолвится родною рѣчью, а проповѣдь на англійскомъ языкѣ великихъ принциповъ свободы и гуманности, связанныхъ съ именами столько же Шекспира, сколько Франклина или Джеферсона, обращали эту пеструю толпу старыхъ или новыхъ выходцевъ изъ всѣхъ концовъ міра въ единую англо-американскую націю. И невольно мнѣ, русскому, становилось жутко при мысли, что языкъ Пушкина и Толстого — богатый и „гибкій русскій языкъ“, мысль о которомъ утѣшала Тургенева, какъ онъ сознался, „въ минуты горестныхъ раздумій“, не признанъ лучшимъ средствомъ къ упроченію русскаго единства, наряду съ законностью и равноправіемъ всѣхъ національностей. Равноправіе національностей! Подумаешь, что урокъ данный міру революціей 1848 г., бывший столько же подъемомъ невластѣтельныхъ классовъ противъ властѣтельныхъ, сколько и подавленныхъ національностей противъ господствующихъ, прошелъ для насъ безслѣдно. Подумаешь, что воображенію нашихъ государственныхъ дѣятелей никогда не рисовался образъ итальянскихъ провинцій, отпавшихъ отъ Австріи, желавшей обратить ихъ жителей въ нѣмцевъ; что волненія въ Прагѣ и Загребѣ, болѣе или менѣе затихшія съ момента удовлетворенія, хотя бы частичнаго, національныхъ вопросовъ, никогда не приходили на мысль нашимъ руководящимъ сферамъ въ то время, когда онѣ лишали нѣмцевъ возможности обучаться на нѣмецкомъ языкѣ въ созданномъ на ихъ нѣ-

мецкія деньги нѣмецкомъ университетѣ, а полякамъ — на польскомъ языкѣ комментировать въ школахъ поляка Мицкевича. Въ Австріи, которую наши славянофилы не прочь украшать эпитетомъ „гнилой“, венгерець, полякъ и чехъ могутъ проходить курсъ науки каждый на своемъ родномъ языкѣ, не становясь отъ этого дурными подданными; можетъ дѣлать это и хорватскій сербъ въ Загребѣ и, до нѣкоторой степени, малороссъ въ Львовѣ. Въдѣ исторія Малороссіи составляетъ особую кафедру въ львовскомъ университетѣ и читается по хохлацки магистромъ кievскаго университета, и это въ то время, когда, какъ показалъ примѣръ предпоследняго археологическаго конгресса въ Одессѣ, представителямъ галиційскихъ малороссовъ не дается даже права сдѣлать научнаго доклада на своемъ родномъ языкѣ.

Три идеи могутъ быть названы господствующими началами нашего времени,—говорить не опасный новаторъ, а консервативный министр австрійскаго императора баронъ Этвешъ: идея свободы, равенства подданныхъ передъ закономъ и идея національности. „Национальностью,—продолжаетъ онъ, — необходимо признать всякую народную группу, въ которой развито сознание принадлежности каждаго къ общему цѣлому. Это сознание можетъ быть продуктомъ разныхъ причинъ: сходство языка, принадлежность къ одному племени, общность историческаго прошлаго, какъ и общность интересовъ въ настоящемъ. Изъ этихъ четырехъ факторовъ—племенной играетъ далеко

не важнѣйшую роль. Антропологическими и этнографическими изслѣдованіями давно установлено, что въ мірѣ нѣтъ другихъ историческихъ народовъ, кромѣ смѣшанныхъ по крови. Если даже въ итальянцахъ, латинской расѣ по преимуществу, приходится отмѣтить примѣсь не только этрусковъ, не-арійцевъ, но даже по словамъ Серджи, черной крови, крови эіопской, то можно судить о томъ, какъ смѣшанъ составъ населенія во Франціи, Англии и Россіи, въ частности въ послѣдней, гдѣ финскія и тюркско-татарскія племена слились съ славянскими и восприняли въ себя скандинавскихъ варяговъ. И историческое прошлое народовъ, принадлежащихъ къ одной и той же національности, было нерѣдко такъ измѣнчиво, что его одного едва-ли достаточно, чтобы поддержать между ними сознание въ ихъ принадлежности къ общему цѣлому и обособленности отъ всѣхъ остальныхъ. Говорятъ у насъ объ армянскомъ вопросѣ, но мнѣ, которому пришлось знать близко многихъ изъ тѣхъ, кого считаютъ главными его пропагандистами, не тайна, что возрожденіе армянскаго царства, исчезнувшаго еще въ эпоху Крестовыхъ походовъ, его временно возстановившихъ, вовсе не рисуется ихъ воображенію. Армянскій вопросъ, прежде всего,— вопросъ о правѣ на жизнь, правѣ не подвергаться истребленію, имѣющему цѣлью понизить процентъ не-турскаго населенія въ тѣхъ или другихъ пашалыкахъ, такъ какъ съ величиною этого процента съ 1895 года, въ связи съ рѣшеніями берлинскаго конгресса,

связанъ вопросъ о турецкой или европейской администраціи въ этихъ пашалыкахъ. Армянскій вопросъ — также вопросъ объ удержаніи послѣднихъ слѣдовъ нѣкогда высокой культуры, призванной сохранить среди мусульманскаго Востока наслѣдіе византійскаго христіанства, римско-византійскаго права искусства. Кто, подобно мнѣ, не разъ странствовалъ по нашему Закавказью, тому не осталось безызвѣстнымъ все опредѣляющее значеніе, какое для развитія обычнаго права не только Грузіи, но и подчиненныхъ ей горцевъ, имѣла компиляція римскихъ юридическихъ пермъ извѣстнымъ армянскимъ юристомъ Мехиторомъ Гошемъ, кодексъ котораго легъ въ основу грузинскаго законодательства, столько же свѣтскаго, сколько и церковнаго. Отъ величественной національности, имѣвшей въ разныя времена своими представителями и Митридата, и правителей Іерусалимскаго княжества, а позднѣе — правителей Кипра, уцѣлѣло въ наши дни національное и демократическое устройство армянской церкви, съ ея выбираемымъ главою, съ имуществами, пожалованными ей одинаково изъ Персіи, турецкихъ и русскихъ провинцій, имуществами, годъ назадъ подвергшимися ничѣмъ не оправдываемой конфискаціи и которыя пришлось вернуть. Отъ историческаго прошлаго остался у армянъ ихъ языкъ, языкъ старинный и литературный, изучаемый во всѣхъ умственныхъ центрахъ Европы, столько же въ Парижѣ, сколько въ Оксфордѣ или Венеціи, языкъ на которомъ и въ наши дни появилось немало худо-

жественныхъ произведеній, достойныхъ перевода и уже переведенныхъ на русскій языкъ русскимъ филологомъ Юріемъ Веселовскимъ, — но только для того, чтобъ подвергнуться сожженію. Кто, подобно мнѣ, жилъ на Кавказѣ, знаетъ, что, наряду съ армянами-купцами, армянами-банкирами, имѣется обширный слой армянскихъ крестьянъ, здороваго, сильнаго, красиваго и гостепріимнаго населенія, среди котораго мнѣ пришлось провести много пріятныхъ часовъ на берегахъ живописнаго Табасгурскаго озера. Армянъ-профессоровъ и армянъ-ученыхъ насчитываютъ въ своей средѣ всѣ университеты и всѣ академіи, начиная отъ русскихъ. Многіе изъ насъ сохранили добрую память и объ армянахъ-публицистахъ, бывшихъ въ то же время, подобно покойному Джаншіеву, добрыми русскими патріотами, фанатиками русскаго слова и русскаго искусства.

На примѣрѣ армянъ мы видимъ, что національность поддерживается, не романтическимъ желаніемъ вернуться къ порядкамъ, уходящимъ вглубь вѣковъ, скажемъ, къ временамъ Багратидовъ, а любовью къ родному языку и народной церкви—осколкамъ давно исчезнувшаго политическаго единства. Нельзя сказать также, чтобъ и въ еврейскомъ вопросѣ рѣчь шла о возстановленіи порядковъ, отмѣненныхъ еще императоромъ Титомъ. Антонъ или Николай Рубинштейнъ заботились о развитіи русской музыки, о созданіи русской консерваторіи и русской оперы, какъ Петръ Вейнбергъ—о передачѣ на русскій языкъ Шекспира и Гете, а Пассоверъ или Винаверъ —

о достоинствѣ русской адвокатуры и русской юриспруденціи. Каждый изъ насъ, людей, проходившихъ среднюю или высшую школу въ царствованіе Александра II, въ столицѣ ли, или, какъ я, въ провинціи, имѣлъ товарищами и профессорами евреевъ, и ни у кого изъ насъ не зарождалось мысли о томъ, чтобы ихъ національность или религія способны были сдѣлать невозможнымъ всякое взаимное пониманіе между нами. Въ харьковскомъ университетѣ, гдѣ я воспитывался, знаменитый окулистъ Гиршманъ уже въ то время, какъ и теперь, принималъ въ своей клиникѣ и бѣднаго, и богатаго, съ одинаковымъ участіемъ, проводя подъ-рядъ десятки часовъ въ неуспѣшномъ служеніи страждущимъ, какова бы ни была ихъ національность или вѣра и какъ бы слабо они ни вознаграждали его трудъ. Когда вспомнишь о томъ, сколько полезныхъ служителей русскому дѣлу, дѣлу русскаго просвѣщенія и русскаго искусства мы нашли въ рядахъ русскихъ евреевъ, вплоть до Надсона включительно, недоумѣваешь, какъ животная ненависть, питаемая невѣжествомъ и клеветою, могла проникнуть съ базарной площади въ русскія руководящія сферы и сдѣлаться препятствіемъ къ тому сліянію всѣхъ національностей въ общей культурѣ, къ которому сознательно должна стремиться школа.

Въ мое время не знали еще о той вопіющей неправдѣ, какую представляетъ недопущеніе къ высшему образованію болѣе извѣстнаго процента евреевъ, или закрытіе имъ доступа къ ли-

беральнымъ профессіямъ. Когда слышишь о самоотверженномъ служеніи евреевъ-врачей въ русско-манчжурской войнѣ, краснѣешь за тѣхъ, кто въ ХХ вѣкѣ не можетъ проникнуться истиной, ясно сознанной еще въ правленіе Екатерины и нашедшей выраженіе себѣ и въ нашихъ основныхъ законахъ. Какой смыслъ послѣ этого имѣть обѣщаніе 64-й статьи 1-го тома: „Законы должны быть исполняемы безпристрастно, не смотря на лица“, или призывъ статьи 45-й признавать свободу вѣроисповѣданія не только за христианами, но и евреями, магометанами и язычниками, дабы всѣ народы, „въ Россіи пребывающіе, славили Бога всемогущаго разными языки и молили Творца вселенной объ умноженіи и укрѣпленіи силы имперіи“?

Какъ бы далеко ни забрасывала меня судьба, мнѣ всюду приходилось встрѣчаться съ однимъ и тѣмъ же, явнымъ или тайнымъ, упрекомъ: какъ можете вы, русскій, терпѣть ту несправедливость, что вашъ согражданинъ — еврей не имѣетъ ни свободы мѣстожительства, ни свободы передвиженія, ни свободы профессій, неся, въ то же время, всѣ обязанности русскаго подданства, въ томъ числѣ военную повинность? Какъ можете вы толковать о какомъ-либо законѣрномъ порядкѣ въ Россіи, разъ всѣ подданные не равны у васъ передъ лицомъ закона? Если въ еврейскомъ вопросѣ многіе изъ вашихъ журналистовъ и стараются отгнать чистоэкономическій факторъ, то потрудитесь доказать, чѣмъ ростовщики изъ русскихъ лучше ростовщиковъ

изъ евреевъ? Усиливайте, если это нужно, строгость законовъ противъ всякаго вида эксплуатаціи, но не объявляйте, что извѣстныя формы ея неразрывно связаны съ расою или вѣрою. Если вы требуете отъ евреевъ исполненія всѣхъ обязанностей подданства, если вы облагаете ихъ кошельки вычетами въ пользу вашей казны и требуете отъ нихъ налога крови, то какъ можете вы, не нарушая элементарной справедливости, сокращать ихъ гражданскія права?

Едва-ли какіе погромы причинили намъ большій вредъ въ сферѣ міровой политики, какъ еврейскіе; къ которымъ,—увы!—за послѣднее время присоединились и армянскіе. Обѣ національности разсѣяны по всему свѣту, имѣютъ широкія связи съ руководящими сферами Западной Европы и Америки, съ финансистами столько же, сколько съ представителями науки и публицистики. Происходящія въ Кишеневѣ, Гомелѣ или Житомирѣ злодѣйства такъ же болѣзненно отзываются въ сердцахъ не одного еврейскаго, но и всего американскаго общества въ Нью-Йоркѣ или въ Чикаго, какъ и въ средѣ руководящихъ сферъ Парижа или Лондона. Избиеніями армянъ въ Баку или Эривани волнуется публицистика всего міра по сю, какъ и по ту сторону Атлантическаго океана. Положить конецъ безправію и самосуду составляетъ прямую обязанность всякаго, даже не конституціоннаго правительства. Римская имперія не знала представительства, но съ памятью о ней связана мысль о рах гомана, о мирѣ, доставленномъ ею всѣмъ національно-

